

М. В. КОВАЛЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Одним из способов сохранения национальной идентичности и исторической памяти в условиях эмиграции стали церемонии, выразившиеся в праздновании многочисленных знаменательных дат. Исторические праздники в Русском Зарубежье способствовали оживлению культурной традиции, объединяющей эмигрантов разных поколений. Эти мемориальные торжества постепенно становились не только средствами выражения национальной самобытности русских на чужбине, но и выполняли роль важного компонента в структуре их этнической и культурной самоидентификации.

Немецкий историк Ян Ассман трактует культурную память как сложный, многослойный феномен, как «особую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходящую за рамки опыта отдельных людей или групп». Она находит свое выражение «в мемориальных знаках разного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках»¹. По мысли Ассмана, вокруг воспоминаний о прошлом складывается новая парадигма культуры, «в которой разнообразнейшие феномены и области культуры — искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте»². Многие современные исследователи справедливо полагают, что индивидуальность субъектов формируется в исторических обстоятельствах. И эта история, разделяемая

¹ См.: *Ретина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 11.

² *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 12.

представителями той или иной общности людей как часть коллективного прошлого, составляет основу групповой идентичности³. Вполне закономерно, что в такой ситуации культурная память, охватывающая разнообразные формы обращения к истории, выступает как образ коллективного прошлого и начинает выполнять объединительные функции⁴.

Для русской диаспоры воссоздание прошлого было ответом на большевистскую денационализацию, который был сопряжен с представлениями об особой культурной и исторической миссии эмиграции. Значимую роль в этом «ответе» играли празднования многочисленных юбилейных и памятных дат, в процессе которых ярко проявлялись особенности коллективного сознания русских изгнанников. Представляется важным рассмотреть феномен исторических праздников Зарубежной России не столько с сугубо церемониальной стороны, сколько с позиции их идейного содержания.

В дореволюционной России массовые общегосударственные исторические торжества имели место в последние годы существования империи: в 1912 г., когда праздновалось 100-летие Отечественной войны, и в 1913 г., когда помпезно было отмечено 300-летие дома Романовых. Большевики, полностью отвергая историческое прошлое России, попытались установить традицию историко-революционных празднеств, введя в пантеон народных героев разного рода революционеров, создав новую иерархию исторических ценностей.

Перед эмиграцией стояла сложная задача, не имевшая аналогий в отечественной истории. Диаспора нуждалась не просто в памятных мероприятиях, но в символическом выражении того, что даже на чужбине русская культура, национальные традиции и язык продолжают жить. В обращении к

³ См.: *Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108-113; *Ретина Л. П.* Указ. соч. С. 22; *Ассман Я.* Указ. соч. С. 17 и др.

⁴ Известный немецкий историк Й. Рюзен заметил, что «воспроизведение прошлого является необходимым условием обеспечения человеческой жизни культурной рамкой ориентации, которая открывает будущую перспективу, основываясь на опыте прошлого» (*Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 12).

своим соотечественникам за рубежом в 1926 г. историк Е. Ф. Шмурло отмечал, что подобные торжества должны стать для эмигрантов напоминанием о великом прошлом, о великих духовных ценностях, созданных творческой работой предшествовавших поколений и ставших неотъемлемым достоянием русского народа⁵. В более широком смысле, они должны были служить важным механизмом сохранения и передачи исторической памяти, которую П. Б. Струве назвал «основой и зиждящей силой всякой национальной культуры»⁶.

Феномен исторических праздников в эмигрантской среде начинает проявляться с середины 1920-х гг. Примерно с этого времени в сознание эмигрантов закрадывается мысль о том, что их пребывание на чужбине затягивается на неопределенное время. Период «сидения на чемоданах», ожидание возвращения, поиск дороги домой сменились ощущением безнадежного расставания с Родиной.

Угроза денационализации в отрыве от России ставила перед эмигрантами проблему сохранения национальной и культурной самобытности. Особенно остро эта задача вставала перед молодым поколением, представители которого покинули Родину в юном возрасте, а теперь жизнь на чужбине наносила ощутимый удар по их «живому чувству Родины». Е. Ф. Шмурло констатировал: «Новая чужая обстановка мало-помалу вытесняет образы раннего детства; последние становятся все бледней и бледнее; воспоминания о русском прошлом, русском быте, русском пейзаже незаметно вытравляются, а с ними и духовная связь с Россией...»⁷. Историко-культурные празднества должны были помочь молодым сохранить память о России.

Нельзя не принимать во внимание особого восприятия исторического момента людьми, пережившими за короткое время небывалые потрясения и выброшенными за пределы Отечества. Революция привела к глобальной переоценке

⁵ См.: Шмурло Е. Ф. Что такое День русской культуры? // Зодчие русской культуры. Прага, 1926. С. 7.

⁶ Струве П. Б. Национальная культура и историческая память // День Русской Культуры: Краткий отчет о праздновании в 1928 году. Прага, 1928. С. 18.

⁷ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 9.

прежних ценностей, дала толчок к переосмыслению минувшего. Деформация исторического сознания порождала новое понимание прошлого. По словам П. Нора, вполне закономерно, что великие попытки пересмотра истории приводят к расширению пространства коллективной памяти⁸. К тому же всякое изгнание заставляет по-новому осмысливать пережитый опыт и по-новому вглядываться в завтрашний день. Оно обостряет ностальгические чувства и тягу к потерянной Родине⁹. Эмигранты, еще недавно бывшие свидетелями стремительного крушения российской государственности, пытались осмыслить корни свершившейся катастрофы и найти духовное лекарство от пережитой ими травмы. Память о прошлом должна была исцелить от травмировавших душу событий. Как справедливо отметил М. Раев, «эмигранты невольно вспоминали прошлое избирательно, отыскивая в истории России события, которые помогли бы им забыть недавние ужасы, утверждали вечные истинно русские ценности»¹⁰. В иерархии этих ценностей едва ли не главное место было отведено русской культуре, которая сделалась неотъемлемой частью самосознания диаспоры, приобрела особый статус¹¹. Ее сохранение составляло основу представлений о миссии русской эмиграции.

Формы организации памятных церемоний в Зарубежной России были разнообразны. Как правило, это были торжественные собрания, литературно-исторические вечера, темати-

⁸ См.: Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб., 1999. С. 22.

⁹ Эти чаяния хорошо обрисовал Е. Ф. Шмурло: «...Злой рок выбросил нас за борт государственного корабля, но зато, может быть, никогда еще с такой остротой и с таким жгуче-радостным чувством не ощущали мы кровную связь с нею, никогда так не ценили ее, как теперь, никогда еще не создавали с такою отчетливостью высокого значения наших духовных достижений, результата вековых усилий и творческой работы русского народа» (Шмурло Е. Ф. Что дало нам творчество Пушкина? // День Русской Культуры. Однодневная газета, посвященная празднованию «Дня Русской Культуры» в Харбине в 1931 г. Харбин, 1931. С. 11).

¹⁰ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 199.

¹¹ Показательно, что среди многих эмигрантов укоренилось обозначение этого понятия в написании с большой буквы — «Русская Культура».

ческие лекции, концерты, иногда балы. Все они предполагали широкое участие эмигрантских кругов. Тем не менее, некоторые торжественные мероприятия были ориентированы лишь на определенные слои диаспоры. Так, в многочисленной военной среде было распространено празднование памятных дат, связанных с победами русского оружия, или с памятью о великих полководцах. В академических кругах вспоминали о ярких достижениях отечественной научной мысли и чествовали крупных ученых.

В организации празднеств обычно участвовало сразу несколько эмигрантских научных и культурных организаций. Ими могли быть Академические группы, русские гимназии, высшие учебные заведения, творческие союзы писателей, музыкантов, журналистов и т. д. Масштабные празднества сопровождались одновременно научно-популярными лекциями, театральными постановками, музыкальными концертами, молебнами и т. д. Особой популярностью пользовались оперы Н. А. Римского-Корсакова, М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, иначе говоря, тех композиторов, которые в своем творчестве с наибольшей силой выражали национальные традиции, русский колорит, мощь отечественного музыкального искусства. Оперные спектакли или же исполнение отдельных арий практически всегда сопровождали массовые празднества во всех центрах Зарубежной России.

Специально к памятным датам был приурочен выпуск юбилейных изданий: книг, статей, буклетов, брошюр, однодневных газет, листовок. Часто на их страницах публиковались календари исторических дат. Все эти издания являются сегодня бесценным историческим источником. Зачастую лишь они могут дать представление о масштабах, формах проведения, идейном содержании торжеств.

Празднование памятных дат, чествование великих людей приобрело в Зарубежной России широкий размах. Бегство в прошлое не только врачевало душу, но пробуждало чувство национальной гордости. Передаваясь из поколения в поколение оно запечатлелось в культурно-историческом наследии.

Французская исследовательница М. Озуф заметила: «Память о великом человеке свидетельствует о существовании вне-

исторического в истории, чистым продуктом которой никогда не является великий человек. В гораздо большей степени, чем национальная история, эта память является моральным кодексом»¹². Для русской эмиграции образы прошлого также наполнились символическим значением: Петр Великий выступал символом государственности, Сергей Радонежский – духовности, а А. С. Пушкин – символом всей российской культурной традиции. На заседании Русского научного института в Белграде 12 февраля 1930 г. Е. Ф. Шмурло заявил: «В чествовании памяти великих людей ... затаен некий глубокий смысл... Смерть может вырвать большого человека из нашей среды, лишить тех благ, какие связаны были с его существованием; но смерть не в силах отнять у нас память о таком человеке, и чем больше он поработал на своем веку, чем благотворнее его духовное наследие, тем эта память ярче, проникновеннее и... благодарнее»¹³.

Ярким примером сложившегося у эмигрантов культа великих людей был Петр Великий. 200-летие со дня его смерти, отмеченное в 1925 г., послужило импульсом к появлению множества юбилейных изданий. Анонимный автор на страницах пражского журнала «Студенческие годы» метко выразил причину внимания к памяти Императора: «Особенно сейчас, в наши дни унижения Нации, разорения и ограбления страны, в дни действия разрушающих сил, – ярок образ Петра»¹⁴. На волне большевистского нигилизма, обесценивания исторического прошлого России и денационализации многие эмигранты увидели в Петре символ сильной государственной власти и патриотизма. Даже П. Н. Милюков, некогда выступавший последовательным критиком царя-реформатора, смягчил свою прежнюю позицию. В программной статье «Петр Великий и его реформа» он воздал должное гению Императора, подчеркнул национальный характер его реформ, их необходимость и ограниченность¹⁵.

¹² Озуф М. Пантеон: Эколь Нормаль мертвых // Франция — память. СПб., 1999. С. 162.

¹³ Шмурло Е. Ф. С. М. Соловьев // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1930. Вып. 1. С. 279.

¹⁴ Петр Великий // Студенческие годы. Прага, 1925. № 1 (18). С. 16.

¹⁵ См.: Милюков П. Н. Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. Прага, 1925. Кн. X. С. 5-28.

В чествовании Петра ярко проявилась извечная противоречивость оценок его царствования. Различные политические круги пытались по-своему мобилизовать память об Императоре. Уже в начале 1920-х гг. некоторые эмигрантские мыслители стали уподоблять петровские реформы революции, а в самом царе-реформаторе видеть чуть ли не предтечу большевизма. Так, профессор Е. В. Спекторский, полемизируя с Л. П. Карсавиным в юбилейной статье, посвященной Петру, настаивал, что царь был твердым государственным деятелем, а следовательно, не мог быть революционером, ибо всякий переворот влечет за собой лишь анархию¹⁶. У либералов не вызвала сомнения правильность выбранного Петром пути сближения России и Запада. Но в то же время многие из них признавали едва ли не главным отрицательным последствием петровских реформ глубинный культурный раскол российского общества. Правые круги эмиграции видели в Петре один из символов сильной монархической власти. Даже в идеологических программах фашистских и профашистских организаций Император наделялся чертами идеального национального вождя. Память о Петре была множественной, в ней слишком сильно был запечатлен конфликт идей и интерпретаций, разность политических взглядов и оценок; она скорее, разводила, чем объединяла.

Не менее острую полемику вызвал и 100-летний юбилей восстания декабристов в 1925 г. Примечательный случай произошел в Русском историческом обществе в Праге. В декабре 1925 г. профессор Д. Н. Вергун на одном из заседаний предложил почтить вставанием память декабристов как борцов с самодержавием. В ответ на это С. Г. Пушкирев отправил письмо с протестом против данного мероприятия. Он заявил о недопустимости проведения специального заседания в память декабристов, сравнив их с народовольцами-первомартовцами, определил их роль как отрицательную. Несмотря на возникшие разногласия, специальное заседание Русского исторического общества все же состоялось¹⁷. Значительная часть эмигрантов с

¹⁶ См.: *Спекторский Е. В.* Петр Великий и мы // *Благовест*. Новый Сад, 1925. Сб. 1. С. 53.

¹⁷ См.: *Цетилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2004. С. 77.

воодушевлением восприняла этот юбилей. В зале Сорбонны в декабре 1925 г. под председательством П. Н. Милюкова прошел памятный вечер, на котором, помимо русских докладчиков, выступил знаменитый французский историк А. Олар. В молчании прослушали собравшиеся «Похоронный марш» Ф. Шопена, исполненный в память о декабристах¹⁸.

М. Алданов, именитый писатель, тонко чувствовавший глубину исторических событий, верно заметил: «Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Ценность того, что они сделали, заключается всецело в их легенде»¹⁹. Состоявшийся юбилей способствовал дальнейшему ее развитию. Не случайно, что в эмигрантской среде появились десятки научных и публицистических работ с попытками вновь осмыслить феномен декабристов. В глазах либералов они были образцом самопожертвования во имя народного блага и борцами с произволом власти. Однако монархические круги эмиграции, естественно, иначе восприняли столетие событий на Сенатской площади. Они расценивали подавление декабрьского выступления как победу здравого абсолютизма и закона над революционным безумием. Не удивительно, что во многих православных храмах в декабре 1925 года служили молебны в честь Николая I.

Противоречивые оценки вызывала и личность Л. Н. Толстого, столетие со дня рождения которого было широко отмечено во всем мире в 1928 г. В Праге в течение юбилейного года проводились разнообразные мероприятия. Был разработан специальный курс лекций о Л. Н. Толстом для слушателей историко-философского отделения Русского народного университета. 18 января 1928 г. Университет совместно с Чешско-русской еднотой провел памятный вечер в честь великого писателя²⁰. Несмотря на огромную популярность творчества Толстого в эмигрантской среде, отношение к нему было двойственным. М. Раев

¹⁸ См.: *Леонтьев Я.* Может ли подвиг быть напрасным? Юбилейные заметки о декабристах // «Мы дышали свободой...» Историки Русского Зарубежья о декабристах. М., 2001. С. 20.

¹⁹ *Алданов М.* Памяти декабристов // Там же. С. 26.

²⁰ См.: *Общий обзор деятельности Русского народного университета за 1928–1929 учебный год* // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 400.

обоснованно полагает, что все эмигранты признавали литературное наследие писателя, «его стиль, его абсолютно правдивое описание чувств и поступков огромного числа русских типажей и отдельных личностей», многим импонировали его историософские взгляды, отводившие решающую роль случаю и стечению обстоятельств, в противовес материалистическому пониманию истории. Однако для большинства эмигрантов – людей, переживших ужасы революции и гражданской войны, была абсолютно неприемлема толстовская «проповедь анархизма и непротивления», которая некогда «внесла разлад в умы многих интеллектуалов и привела к бессилию интеллигенции перед лицом войны, насилия, макиавеллиевской жажды власти, характерной для Ленина и большевиков»²¹. Неудивительно, что в дни толстовского юбилея эмигранты пытались говорить лишь о литературном гении писателя и старались совершенно не затрагивать его общественно-политических взглядов.

Память об упомянутых выше исторических персонажах и событиях ярко выражала конфликт идей внутри самого эмигрантского сообщества. Данные исторические фигуры, как правило, служили объектом коммеморации лишь для определенного круга лиц. Связанные с ними мемориальные торжества привлекали внимание главным образом интеллектуальной элиты. Ни Петр Великий, ни декабристы, ни Л. Н. Толстой не смогли стать объединительными фигурами для русской диаспоры. Даже чествования знаменитых особ, не обладавших такой политической аурой, порой не находили отклика среди значительного числа эмигрантов. В частности, в 1928 г. в связи с печальным известием о смерти в Москве М. Н. Ермоловой, группой русских эмигрантов в Праге было принято решение об организации памятного вечера. Инициатива исходила от московских профессоров, которые прежде имели счастье видеть великую актрису на сцене Малого театра, и в памяти которых она навсегда осталась живым символом реалистических традиций русского сценического искусства. Задача организации памятного вечера легла на А. А. Кизеветтера. Но, как с прискорбием вспоминал М. М. Новиков, многочисленная

²¹ Раев М. Указ. соч. С. 127-128.

«южнорусская беженская публика отнеслась к нашему призыву совершенно равнодушно», и на лекцию в честь М. Н. Ермоловой пришло всего 6 слушателей (при средней посещаемости прочих лекций – 40 человек)²².

Важно отметить, что культурная память эмиграции была многослойна, и не была полностью закрыта от внешних влияний. Помимо русских персонажей прошлого в пантеон памяти входили, правда, в меньшей степени, и представители других народов, в особенности те из них, которые были тесно связаны с историей и культурой России. Большое место занимало чествование памятных дат славянской истории, что легко объяснить высокой концентрацией русских эмигрантов именно в славянских странах, и многовековой традицией межкультурных контактов. В конце 1920-х гг. к примеру, широко отмечалось 50-летие Русско-турецкой войны за освобождение балканских народов от османского ига.

В 1927 г. в Праге по случаю 50-й годовщины с начала войны прошло торжественное заседание Русского исторического общества, на котором со вступительным словом выступил его председатель Е. Ф. Шмурло. Памятный вечер был организован и в Русском народном университете при участии М. М. Новикова, М. А. Иностранцева и др. Непременным гостем пражских торжеств был В. И. Немирович-Данченко, один из первых русских военных корреспондентов, и живой свидетель далекой войны²³. Правда, юбилей не обошелся без идейных споров. На собрании в Пражском магистрате чешский профессор И. Горак заявил, что, несмотря на героизм русских солдат, война с Турцией оказалась бы проигранной из-за бездарности русских генералов, если бы на помощь им не пришли болгарские ополченцы. Южные славяне находились под влиянием чешских будителей, которые своим идейным воздейст-

²² Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 346.

²³ Bažant Z. O významu a činnosti Ruské lidové university v Praze // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 388; Русский Народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1926–1927 учебный год. Прага, б. г. С. 15; Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. Прага, 1934. С. 6, 11.

вием воспитали поколение болгарских патриотов. В действительности болгарские ополченцы по сравнению с огромной русской армией составляли лишь небольшое по численности подразделение и, конечно же, не могли решить исход войны, несмотря на свой героизм. К тому же, в русской армии было немало талантливых генералов, хотя главное командование, в самом деле, допускало серьезные просчеты. Русские эмигранты болезненно восприняли выступление И. Горака. Профессор М. М. Новиков вспоминал, что они уходили с собрания уязвленными, подавленными и глубоко потрясенными²⁴.

Местом проведения основных торжеств в 1928–1929 гг. стала, разумеется, сама Болгария. Русские эмигранты приняли в них деятельное участие, «ветераны выступали с воспоминаниями, ученые и культурные деятели эмиграции – с торжественными речами, лекциями, докладами, с использованием музыкальных и литературно-художественных произведений». Премьер-министр Болгарии А. Ляпчев, выступая в 1928 г. на торжествах в Пловдиве, воздал должное героизму русских участников освободительной войны, оказавшихся теперь в изгнании²⁵. В Болгарии в 1929 г. был подготовлен научный сборник²⁶, в котором приняли участие как известные болгарские (С. С. Бобчев, В. Н. Златарски), так и русские специалисты (В. А. Францев, П. М. Бицилли, И. И. Лаппо, А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский и др.). Война, вызвавшая некогда небывалый патриотический подъем, по-прежнему волновала умы множества российских людей. Образы героев Шипки и Плевны, генерала М. Д. Скобелева, мечты о славянской взаимности продолжали жить в исторической памяти.

Для русской диаспоры в Чехословакии огромное значение имели юбилеи, связанные с возрождением чешской государственности. Ежегодно в день независимости республики

²⁴ Новиков М. М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. XLIX. С. 251-252.

²⁵ См.: Бирман М. А., Горяинов А. Н. Российские интеллектуально-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая истории. 2002. № 1. С. 188.

²⁶ Прослава на освободителната война 1877–1878. Руско-български сборникъ. София, 1929.

(28 октября) организовывались памятные вечера и собрания. Обычно русские организации устраивали торжественный вечер, в первой части которого произносились официальные речи, а во второй проходил концерт. С особой пышностью было отпраздновано 10-летие Чехословацкой республики в 1928 г. Одним из главных центров торжеств сделался Русский народный университет. 20 октября 1928 года на годовичном собрании университета с поздравительными речами в честь юбилея выступили М. М. Новиков, А. А. Кизеветтер, Е. А. Ляцкий.

Эмигранты также принимали участие в празднествах по случаю 75-летия (1925) и 80-летия (1930) Т. Масарика²⁷. Для большей части русских изгнанников знаменитый мыслитель и государственный деятель был настоящим кумиром. Русская диаспора чествовала не просто основателя Чехословацкой республики, но великого демократа и гуманиста европейского, и даже всемирного масштаба²⁸. В юбилейной речи в честь 80-летия чехословацкого президента в марте 1930 г. А. А. Кизеветтер назвал его смелым борцом «с общественными предрассудками во имя Истины, Правды и Добра, во имя всех самых светлых и прогрессивных начал, которыми живо человечество»²⁹.

Дальневосточная ветвь эмиграции отмечала даты, оставившие след как в российской, так и в китайской истории. Колоритную окраску носили массовые торжества, прошедшие 11–12 июня 1923 года в Харбине по случаю 25-летия основания города и строительства КВЖД³⁰. Юбилей был организован

²⁷ Общий обзор деятельности Русского народного университета... Т. II. С. 399; *Новиков М. М.* Русские эмигранты в Праге. С. 253.

²⁸ См.: *Фенцик С. А.* Юбилей Т. Г. Масарика // Т. Г. Масарик: Юбилейный сборник по поводу восьмидесятилетия со дня его рождения. Ужгород, 1930. С. 10-15. В своей статье этот известный деятель писал о чешском президенте как о «стойком труженике на поле человековоспитания», который, «служа своему народу, ...служил всему человечеству». В Подкарпатской Руси культ Масарика приобрел особый размах. В июле 1927 года по инициативе Культурно-просветительского общества имени А. Духновича, в работе которого участвовало и местное население, и русские эмигранты, в Ужгороде был заложен памятник Масарику.

²⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 7. Ед. хр. 8. Л. 10.

³⁰ *Мелихов Г. В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 376-383.

совместными усилиями русских и китайцев. Отдавая дань уважения китайскому народу, было решено открыть в дни торжеств памятник первому председателю КВЖД Сюй Цзинчэну, казненному ихэтуанями в 1900 г. 11 июня состоялся молебен в фойе Железнодорожного собрания, после которого прошло торжественное заседание правления КВЖД. Вечером «был устроен грандиозный раут-спектакль: оперный ансамбль поставил оперу “Паяцы”, был устроен стол а-ля фуршет и, конечно, был фокстрот, который танцевали во всех залах и даже на площадках второго этажа собрания»³¹. На следующий день состоялось открытие памятника и Юбилейной выставки в Московских торговых рядах, было проведено торжественное заседание Общества изучения Маньчжурского края.

Многочисленные представители интеллектуального сообщества, оказавшиеся в эмиграции, отмечали юбилейные даты, связанные с историей русской науки: 200-летие Академии наук, 100-летие со дня рождения Б. Н. Чичерина (1928), А. Н. Пыпина (1933) В. И. Ламанского (1933), Д. И. Менделеева (1934), 100-летие Киевского университета (1934), 15-летие Юридического факультета в Харбине (1936), 10-летие Русского научного института в Белграде и мн. др. Но все эти мероприятия носили корпоративный характер и были выдержаны в классическом академическом стиле. Обычно в честь подобных дат устраивались торжественные публичные собрания, на которых заслушивались сообщения о том или ином памятном событии, в соответствии с традициями дореволюционной научной культуры.

Широкий размах в странах русского рассеяния имело празднование в 1929 г. 70-летия П. Н. Милюкова. Он был необычайно популярен среди русских изгнанников по всему миру. В немалой степени этому способствовал огромный успех редактируемой им газеты «Последние новости»³². Друзья и коллеги именитого историка и политика издали в Париже, Пра-

³¹ Там же. С. 379.

³² «Последние новости» издавались в Париже в 1920–1941 гг. Это была самая многотиражная газета Зарубежной России. Она удовлетворяла интересы разных групп читателей. См.: *Бирман М. А.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1994. Т. III. С. 147–167.

ге и Софии юбилейные сборники в честь этого события³³. Этот юбилей объединил многих русских интеллектуалов в разных странах. Разве что праворадикальные круги эмиграции восприняли его враждебно.

Одним из главных торжеств для всей научной эмиграции стал 175-летний юбилей Московского университета, отмеченный в 1930 г. В подготовке памятных мероприятий принимали участие русские интеллигенты, жившие в Праге и Париже. Центром празднеств решено было сделать французскую столицу. 24 января 1930 года прошел торжественный вечер в парижском зале «Гаво», на котором с речами выступили перед собравшимися В. А. Маклаков и П. Н. Милуков. Завершилось торжество концертом Н. Плевицкой. На следующий день утром прошел молебен в соборе Александра Невского на улице Дарю, а вечером состоялся банкет в ресторане «Мобер»³⁴.

Согласно с московскими университетскими традициями было также ежегодное празднование Татьянина дня. Сохранению этого обычая в эмигрантской среде во многом способствовали московские профессора, оказавшиеся в вынужденном изгнании – А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков, В. А. Стратонов и др. Главными центрами Татьянинских празднеств считались Прага и Харбин, поскольку именно в этих городах имелась развитая сеть русских высших учебных заведений, концентрировалась русская профессура и студенчество³⁵. Татьянинские дни занимали важное место в передаче университетских традиций от старшего к молодому поколению. Бывшая студентка Северо-

³³ Бирман М. А. К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Милукова // Отечественная история. 1997. № 1. С. 94.

³⁴ Гутнов Д. А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24-26 января 1930 г. // www.historia.ru/2004/01/.

³⁵ В иных центрах русского рассеяния празднование Татьянина дня было невелико по масштабу, имело камерный характер. Тем не менее, праздник этот оставался одним из самых любимых. Живший в Латвии журналист Г. Гроссен писал в своих заметках: «Когда в Ригу прибыл профессор Грибовский... мы с ним решили открыть общество празднования Татьянинного дня... Многие живо откликнулись. В январе, кажется, 1923 г. состоялось первое собрание в Русском клубе, где избрали комитет по празднованию этого значительного для русских студентов дня» (Гроссен Г. Жизнь в Риге // Даугава. Рига, 1994. № 1. С. 175).

Маньчжурского университета в Харбине вспоминала: «Создавалось застолье профессуры и студентов, где пелись знаменитые старинные студенческие песни, сочинялся не менее знаменитый Журавель – шуточные куплеты на злобу дня»³⁶. Помимо этого, Татьянин день рассматривался как благотворительная акция. Доходы от продажи входных билетов на праздничный бал использовались для поддержания нуждавшихся студентов, закупки учебной литературы, издания научных трудов и т.д. В Праге «многие из приглашенной чешской интеллектуальной знати по почте присылали, кроме денег за билеты, еще добавочные пожертвования»³⁷, в Харбине «почетные билеты заранее охотно раскупались коммерческим миром, жертвователями и просто хорошей публикой»³⁸. Немалые средства в копилку праздника давала и организация буфетов. Традиция Татьянина дня, уходившая корнями в историю университетского образования в России, в условиях эмиграции была призвана стать прибежищем памяти о славном прошлом.

«День русской культуры» стал самой удачной попыткой *общеэмигрантского* культурно-исторического праздника. Впервые его отметили в 1924 г. в Эстонии, а уже в марте 1925 года эмигрантские организации в Чехословакии обратилась ко всем русским людям за рубежом с предложением ввести празднование «Дня русской культуры» в ежегодную практику и придать ему объединительный характер. В своем обращении эти организации указывали на опасность денационализации молодого поколения, которая не позволит «выполнить мечту огромного большинства русских за рубежом: вернуться в Россию и работать над ее воссозданием»³⁹.

Было предложено приурочить торжества ко дню рождения А. С. Пушкина (6 июня) и придать им неполитический характер. Цель «Дня русской культуры» была тройной: «объединить эмиграцию, усилить ее связи с русской культурой, которые не-

³⁶ Медведева Е. С. Татьянин день // Русский Харбин. М., 1998. С. 62.

³⁷ Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999. С. 96.

³⁸ Медведева Е. С. Указ. соч. С. 63.

³⁹ К русским людям за рубежом // На чужой стороне. 1925. Кн. X. С. 306.

избежно становились все слабее, и распространить знание русской культуры в ведущих обществах»⁴⁰.

Идея общеэмигрантского праздника встретила большую поддержку со стороны русской диаспоры по всему миру. Рижская газета «Сегодня» писала в 1925 г.: «День Русской культуры, прежде всего, чужд не только партийности, но и политики. В этот день русское население, разбросанное в разных странах, стремится почувствовать свое духовное единство, осознать те великие ценности в области литературы и искусства, которые созданы творческим гением русского народа и получили мировое признание»⁴¹. Эту же мысль выразил и А. А. Кизеветтер, говоря о значении всеэмигрантского праздника: «“День русской культуры” нам дорог, потому что в этот день мы чувствуем себя духовно объединенными»⁴².

С середины 1920-х гг. празднование «Дня русской культуры» прочно вошло в эмигрантскую традицию, участие в нем принимали тысячи изгнанников, разбросанных по разным частям света. Он широко отмечался в 1920–1930-х гг. в Париже, Софии, Риге, Харбине и т.д. В Чехословакии, Франции, Германии, Болгарии, Югославии, Польше, Латвии, Бельгии, Китае возникли Комитеты «Дня русской культуры», выступавшие в качестве организаторов празднеств. Во многих странах местные власти оказывали содействие русским эмигрантам. Так, в Праге поддержку им оказывали Чешское радио, Национальный театр, Пражская филармония. Апогеем празднования в Чехословакии, как отмечают И. Савицкий и Е. Андреева, стали 1928–1930 гг. В 1930 г. очаг празднеств переместился из Праги в Братиславу, где главным событием стала постановка оперы «Борис Годунов» с Ф. И. Шаляпиным в главной партии⁴³.

Разразившийся мировой экономической кризис значительно ухудшил и без того нелегкое материальное положение русских беженцев. Поддержка эмиграции чешским правительством

⁴⁰ *Andreyev C., Savický I.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven, 2004. P. 156.

⁴¹ День Русской культуры // Сегодня. Рига, 1925. 20 сентября. № 211.

⁴² *Кизеветтер А. А.* Смысл дня русской культуры // День Русской Культуры: Краткий отчет о праздновании в 1928 году. Прага, 1928. С. 16.

⁴³ *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 158.

была фактически прекращена из-за переориентации внешнеполитического курса Чехословакии и нормализации ее отношений с СССР⁴⁴. В других же странах мира эмигранты давно перестали получать какую-либо правительственную поддержку. Тем не менее, празднование «Дня русской культуры» продолжалось вплоть до Второй мировой войны, а в некоторых странах и после нее. В Праге его в последний раз отмечали уже в годы немецкой оккупации в мае 1941 года, когда торжества были приурочены к столетней годовщине гибели М. Ю. Лермонтова⁴⁵.

В «Дне русской культуры» была заложена идея духовного сплочения русской диаспоры, национального единения на основе общности языка, вероисповедания, культуры и исторического прошлого. В то же время его празднование «Дня русской культуры» имело региональные особенности. По словам Н. Е. Андреева, «он преломлялся от города к городу, от района к району, от страны к стране...», «кое-где он праздновался с подчеркиванием политического момента, кое-где — религиозного, где-то был просто русский праздник»⁴⁶.

Эти ежегодные торжества были призваны продемонстрировать всему миру силу и мощь классической русской культуры. Они способствовали укреплению связей между эмигрантами и коренным населением стран русского рассеяния. В них принимали участие и иностранцы — представители интеллектуальной и политической элиты. В 1925 г. в организации торжеств в Бельгии участвовал профессор Брюссельской консерватории Клоссон, в Париже — профессор Сорбонны Э. Оман, в Страсбурге — профессора С. Рошеблар, Л. Тернье и Х. Троншон⁴⁷. В Белграде и Софии русское население регулярно получало поддержку со стороны местных научных, политиче-

⁴⁴ Ibid. P. 158.

⁴⁵ *Veber V. Dny ruské kultury // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií - 2). Praha, 1994. S. 92.*

⁴⁶ *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Таллин, 1996. Т. II. С. 14.

⁴⁷ См.: День Русской Культуры. Отчет о праздновании «Дня Русской Культуры» за рубежом в 1925 г. Прага, 1926. С. 10-11, 31-33 и др.; *Цуриков Н. А.* Краткий отчет о праздновании «Дня Русской Культуры» в 1928 году // День Русской Культуры: Краткий отчет о праздновании в 1928 году. С. 7-8.

ских кругов и духовенства. Выступая перед эмигрантской аудиторией в 1928 г. в Праге депутат парламента А. Прокупек от лица своей страны заявил: «Мы воздаем сегодня свою благодарность Русской Культуре, гордости русского народа, славы и всего мира»⁴⁸.

«День русской культуры» был одной из первых в российской истории попыток конструирования поистине национального праздника. Он как бы провозглашал единение, свободное от идейных разногласий.

Тем не менее, правые круги эмиграции, сконцентрированные главным образом в Белграде, попытались противопоставить празднованию «Дня русской культуры», окрашенного пушкинской символикой, «День русского национального сознания» в честь Святого князя Владимира, который отмечался 28 июля. Сторонники этой идеи «утверждали, что Пушкинский день задуман масонами, либералами и безбожниками, которые несут главную ответственность за революцию и поражение Белой армии в гражданской войне»⁴⁹. Князь Владимир воспринимался в монархической среде как православный идеал Государя и духовный отец русского народа. Его почитание должно было призвать эмиграцию к осознанию «великих начал пути русского народа и к подвигу верности им»⁵⁰. Но демарш белградских монархистов не встретил широкой поддержки; им так и не удалось, несмотря на усиленные попытки, обосновать особое место князя Владимира в исторической памяти.

В 1938 г. Зарубежная Россия отметила 950-летие Крещения Руси. К этой дате в Белграде был выпущен сборник статей в честь князя Владимира со вступительным словом митрополита Анастасия⁵¹. К участию в издании были привлечены ведущие русские исследователи-эмигранты из разных стран: В. А. Мошин, А. Л. Погодин, Г. А. Острогорский, А. В. Карташев, И. И. Лаппо, Е. В. Спекторский, Г. П. Федотов, Д. А. Ра-

⁴⁸ *Цуриков Н. А.* Указ. соч. С. 9.

⁴⁹ *Раев М.* Указ. соч. С. 122-123.

⁵⁰ Сборник в память Святого Равноапостольного князя Владимира. Белград, 1930. С. 9.

⁵¹ Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938.

совский и др. Примечательно, что статьи сборника были выдержаны в научном тоне и лишены следов политической ангажированности, хотя сами авторы были представителями различных идеологических течений.

Совершенно особое место в иерархии памятных дат заняли пушкинские юбилеи. Культ А. С. Пушкина должен был служить противовесом нескончаемым политическим спорам эмигрантов. Сами они полагали, что только великий поэт, само имя которого превратилось в синоним русской культуры, сможет стать объединительной фигурой для русской диаспоры. Живший в Швейцарии русский эмигрант Б. А. Никольский, выступая перед соотечественниками в зале художественного общества «Атенэ» в Женеве в 1925 г., отметил: «Трудно было выбрать более яркий символ полного слияния всего существа человеческого с Родиной. Ведь Пушкин немыслим без России, вне ее, как Россия последнего столетия... немыслима без Пушкина»⁵².

В 1937 г., в 100-летнюю годовщину трагической гибели Пушкина, во многих уголках русского рассеяния возникли юбилейные комитеты, в задачу которых входила организация памятных мероприятий. В православных храмах по всему миру служили панихиды по великому поэту. Пушкинский юбилей 1937 года в Зарубежной России проводился в противовес пушкинскому юбилею в СССР, которому была придана политическая окраска. Ф. А. Степун писал, что эмиграция «чувствовала Пушкина, – впервые увиденного Достоевским, человека всеобъемлющей любви и всепонимающего сердца»⁵³. В Шанхае был открыт первый за пределами России памятник великому поэту. Бронзовый бюст А. С. Пушкина был изготовлен скульптором Подгурским и установлен 11 февраля 1937 года на территории французской концессии⁵⁴.

В чередѣ дат, призванных увековечить память о знаменательном историческом событии или великом человеке, трудно

⁵² Цит. по: День Русской Культуры. Отчет о праздновании «Дня Русской Культуры» за рубежом в 1925 г. С. 45.

⁵³ *Степун Ф. А.* Духовный облик Пушкина // Пушкин в русской философской критике конца XIX–XX вв. М., 1999. С. 520.

⁵⁴ *Слободчиков В. А.* О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 210–211.

было найти ту, которая могла бы объединить *всю* эмиграцию. Лишь день рождения А. С. Пушкина смог в некоторой степени примирить различные группировки русской эмиграции. Память о великом поэте была практически лишена политического налета и заставляла задуматься о вечных ценностях русской культуры⁵⁵. В своей программной речи на праздновании «Дня русской культуры» в Париже в июне 1926 г. В. А. Маклаков подытожил эту мысль: «Русская культура оказалась могучей и живучей, чем наша русская государственность... Наш долг поэтому беречь нашу культуру, развивать ее, распространять ее, знакомить с ней мир»⁵⁶.

Исторические праздники напоминали о славном прошлом России, демонстрировали своеобразие русской культуры, связывали воедино символы идентичности: язык, религию, историческую память и т.д. Таким образом, обращение к образу прошлого способствовало пробуждению национального самосознания, расколотого историческими потрясениями. Многочисленные юбилейные торжества представляли собой попытку реанимировать из разорванных революцией частей коллективную культурную память, создавая новый образ былой России. Они служили мощным моральным стимулом в условиях экзистенциальной трагедии изгнания.

⁵⁵ Литература об образе А. С. Пушкина в культуре Зарубежной России многообразна: Пушкин и культура русского зарубежья: Международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения. М., 2000; Центральный Пушкинский комитет в Париже. 1935–1937. М., 2000. Т. 1-2; *Бирман М. А.* П. М. Бицилли – пушкинист (Заметки к библиографии учебного) // После юбилея... Jerusalem, 2000. С. 227-234; *Чельшев Е. П.* А. С. Пушкин в литературе русского зарубежья // Русское зарубежье. 2004. № 1. С. 3-28; *Филин М. Д.* Зарубежная Россия и Пушкин. М., 2004; *Ковалев М. В.* А. С. Пушкин и его творчество в трудах историков русского зарубежья // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XIX – начала XX в. Саратов, 2006. С. 116-120 и др.

⁵⁶ *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 236-237.